

Глава 6

Ци Цю усмехнулся.

— А ты стал куда увереннее в себе.

Но в словах Фан Синьгу была доля правды. Его популярность в индустрии сейчас была непоколебима, и назвать его топ-звездой не было бы преувеличением.

Менеджер хотел было продолжить уговоры, но, взглянув на бледное после болезни лицо подопечного, на его утомлённый и подавленный вид, смягчился. Весь облик юноши так и сквозил усталостью.

«Что ж, если он так хочет, что поделаешь? Придётся пойти навстречу. В конце концов, это всего лишь одно шоу, к тому же в кругу знакомых, так что можно не опасаться, что его выставят в дурном свете при монтаже».

Поняв, что переубедить Фан Синьгу не удастся, Ци Цю сдался и решил связаться с командой проекта «Мир огромен».

Он позвонил своему старому однокласснику и по совместительству режиссёру шоу, Янь Ту, чтобы разузнать обстановку.

— У вас уже набрался полный состав постоянных участников для «Мира огромного»?

— Из семи человек изначально утвердили пятерых, но вчера один сбежал, так что осталось четверо, — с тоской в голосе ответил тот.

У менеджера похолодело внутри. Насколько же провальным было это шоу, если они даже не могли набрать людей?

— А кто уже точно утверждён? — с замиранием сердца спросил он.

Янь Ту удивился:

— А что? С чего такая забота о моем проекте? Хочешь кого-то порекомендовать?

— ...Я собираюсь отправить к тебе своего артиста.

Поскольку Ци Цю сейчас вёл дела только Фан Синьгу, режиссёр не принял его слова всерьёз. С такой бешеной популярностью звезда его уровня никогда бы не стала опускаться до участия в

их скромном шоу.

Решив, что друг шутит, Янь Ту рассмеялся:

— Фан Синьгу? Отлично, присылай его скорее, буду только рад.

— Хорошо, давай назначим время и обсудим детали.

Тут до собеседника начало доходить, что тон разговора слишком деловой.

— Ты это серьёзно?

— Угу.

Только тогда до Янь Ту окончательно дошло.

— Твою мать!!! Правда?! — закричал он.

— ...А какой мне смысл тебя обманывать?

Режиссёр от избытка чувств с силой хлопнул себя по бедру.

— Клянись небом, что не передумаешь и не обманешь! Я сейчас включаю диктофон, повтори всё ещё раз, мне нужны доказательства!

Это же просто джекпот на пять миллионов, свалившийся с небес!

Нет, выгода, которую принесёт Фан Синьгу, была куда выше пяти миллионов!

Собеседник восторженно вопил в трубку, а Ци Цю слушал его, стиснув зубы.

— Да уймись ты уже.

Наконец, Янь Ту успокоился и, смущённо сменив тон на вкрадчивый, проворковал:

— Но у нас ограниченный бюджет, мы вряд ли сможем потянуть гонорар Учителя Фана. Может, по старой дружбе сделаешь нам скидку?

Ци Цю промолчал.

— Хм, нет, — добавил режиссёр. — А может, Учитель Фан сам приведёт с собой какие-нибудь ресурсы, чтобы спонсировать наше шоу?

У менеджера зачесались кулаки.

— Решил и рыбку съесть, и косточкой не подавиться?!

Янь Ту, сорвавший такой куш, лишь радостно захихикал в ответ.

Закончив разговор, Ци Цю почувствовал, как на душе стало тоскливо. Что же это за нищая и безвестная съёмочная группа?

— После роспуска Nebula твои бывшие коллеги разбежались по крупным проектам: кто в высокобюджетные сериалы, кто в рейтинговые шоу, — с горечью сказал он артисту. — А ты? Тебе всё равно, но фанаты точно почувствуют разницу и будут разочарованы.

Фан Синьгу, вспомнив недавние комментарии в трендах Weibo, ответил с долей иронии:

— Мне кажется, сейчас они больше беспокоятся, как бы я вообще не ушёл из индустрии.

Ци Цю замолчал. В этом была своя правда.

Ведь всего несколько часов назад даже он сам боялся, что Фан Синьгу решит сбежать и бросить карьеру.

Болезнь свалила его внезапно. Юноша и сам не ожидал, что всё будет так серьёзно. Когда жар наконец спал, экзема и не думала проходить. Доктор Цянь несколько раз навещал его и в итоге заключил, что это психосоматика. Врач посоветовал пациенту успокоиться и не подвергать себя лишнему стрессу.

Но не успела сойти сыпь, как через несколько дней началось осложнение в виде пневмонии. Промучившись в больнице больше месяца, Фан Синьгу наконец-то восстановился и выписался.

До начала съёмок «Мира огромного» оставался ещё месяц, и он решил поехать в старую усадьбу в Цзянчэне, чтобы сменить обстановку и отдохнуть.

Этот город находился всего в часе с небольшим езды от Шэня. Под покровом ночи Фан Синьгу приехал в родовое гнездо семьи Фан.

Это была огромная усадьба с садом в традиционном стиле. Миновав череду павильонов и водных террас, он подошёл к главному зданию.

Тук-тук.

— Войдите, — донёлся голос из комнаты.

— Бабушка, я вернулся.

Когда юноша вошёл, Ван Цзиньсюй мерила шагами комнату.

Ей было уже за семьдесят, но она сохраняла изящество манер и великолепную выправку. Хотя годы оставили след на её лице, в ней всё ещё была видна былая красота. Седые волосы были аккуратно уложены в пучок на затылке, одета она была элегантно, но взгляд её оставался на редкость острым.

Старушка некоторое время пристально разглядывала внука. При свете ламп его платиновые волосы, хоть и немного потускневшие, всё ещё ярко сияли. Фанаты в сети превозносили этот образ как «сошествие божества», но в глазах пожилой женщины это выглядело нелепо, особенно учитывая отросшие тёмные корни. Два цвета на одной голове вызывали у неё лишь пренебрежение.

— Что за причёска? — недовольно спросила бабушка.

Фан Синьгу машинально поправил пряди.

— ...Рабочая необходимость.

Значительную часть детства юношу воспитывала именно Ван Цзиньсюй. Она не принадлежала к числу ласковых бабушек, напротив, была крайне строгой. Как известная оперная певица, обнаружив у внука музыкальный дар, она заставила маленького Синьгу начать шестилетние изнурительные тренировки, к которым тот не питал ни малейшего интереса.

Лишь в двенадцать лет, переехав с родителями в Шэнь, он смог избавиться от этого гнёта.

Но по иронии судьбы спустя десять лет тот, кто когда-то так ненавидел музыку, теперь зарабатывал ею на жизнь.

— Зачем вы ходите туда-сюда? — поинтересовался он.

— Слишком плотно поужинала, тяжесть в животе, — женщина взглянула на его осунувшееся

лицо и нахмурилась. — Надолго в этот раз?

— На месяц, примерно.

— Если со здоровьем всё в порядке, почему не работаешь? Совсем дел нет? — прищурилась бабушка.

Фан Синьгу принялся нести чепуху:

— Угу. Собираюсь уйти из индустрии, буду жить дома и сидеть у вас на шее.

— ...Вечно ты со своими шуточками, — Ван Цзиньсюй ощутимо шлёпнула его по спине. Эти двое редко находили общий язык, поэтому через пару минут она просто прогнала его: — Ладно, иди уже, не докучай мне.

Внук не стал задерживаться и, помахав рукой, направился к своему флигелю.

Трехэтажное здание располагалось в западной части сада. Юноша давно здесь не был, но Ван Цзиньсюй заранее распорядилась прибраться, так что внутри было идеально чисто.

Первым делом Фан Синьгу разобрал багаж, аккуратно разложив вещи. Он достал из чемодана несколько деревянных брусков и набор резцов, убрав их в ящик стола.

Закончив, он поднял взгляд и через окно увидел соседнее поместье семьи Цзин, отделённое от них лишь забором. А прямо напротив его флигеля, в восточной части соседнего участка, возвышалась вилла Цзин Итуна.

В отличие от традиционного сада семьи Фан, поместье соседей было застроено современными виллами. Сочетание китайского и западного стилей могло показаться странным, если бы не разделяющие их густые деревья и пруды, благодаря которым два разных архитектурных ансамбля гармонично дополняли друг друга.

Фан Синьгу замер, вглядываясь в окно, и невольно прикинул расстояние.

«Не слишком ли близко наши дома расположены друг к другу?»

В комнате Цзин Итуна не были задернуты шторы, и отсюда можно было рассмотреть даже детали интерьера.

Раньше это не вызывало беспокойства, но когда Цзин Итун женится, это станет проблемой. Слишком мало приватности. Нужно будет как-то отгородиться.

Эти мысли вызвали у него досаду. Он резко задернул шторы, но перестарался и случайно смахнул со стола фоторамку.

Подняв её, он увидел их совместный снимок.

Фан Синьгу на мгновение растерялся. Это было фото с их первой поездки на горнолыжный курорт.

В тот день стоял жуткий мороз. Два подростка в одинаковых лыжных костюмах разных цветов стояли плечом к плечу, прижимая к себе сноуборды. Из-под экипировки виднелись лишь покрасневшие от ледяного ветра лица, но оба сияли от счастья.

Та улыбка была настолько искренней и светлой, что спустя почти десять лет заставила юношу невольно улыбнуться в ответ.

Как быстро пролетело время.

Он коснулся пальцами рамки, вспомнив, что именно после той поездки началось их долгое отчуждение. С тех пор у них не было общих фото и совместных путешествий.

Наверное, сейчас, даже если бы они снова встали рядом, те искренние улыбки были бы невозможны.

Каждая мелочь словно твердила ему: какими бы близкими они ни были раньше, будущего у них нет.

Улыбка погасла. Тяжело вздохнув, Фан Синьгу спрятал фотографию в самый дальний ящик стола.

«Лучше не смотреть на то, что так тревожит сердце».

Было уже поздно. Приняв душ, он лёг в постель, но, видимо, под впечатлением от увиденного снимка, ему приснились те самые горы.

Тогда он ещё не понимал, что влюблён в Цзин Итуна, поэтому та зимняя поездка в десятом классе казалась ему лишь весёлой прогулкой.

Они оба были новичками, постоянно падали на склонах, помогали друг другу подняться и снова валились в снег. К концу дня болели не ушибы, а горло — от непрерывного смеха.

Но то путешествие оборвалось внезапно. Цзин Итун, учившийся тогда в выпускном классе,

решил поступать в театральный вуз и должен был ехать на интенсивные курсы подготовки. Ему пришлось уехать, когда каникулы были в самом разгаре.

Во сне Фан Синьгу снова оказался в том вечере, когда провожал друга.

Чужая страна, валит густой снег. Узнав об отъезде Цзин Итуна, он, наскоро накинув куртку, выбежал на улицу и долго смотрел вслед уходящему силуэту, пока тот не растворился в белой пелене.

На самом деле он отчаянно не хотел, чтобы тот уезжал. Ему хотелось окликнуть его, попросить остаться ещё на пару дней, но он понимал, что нельзя мешать учёбе. Поэтому он просто молча смотрел вслед и лишь когда Цзин Итун обернулся, помахал ему рукой на прощание.

«Если бы я тогда окликнул его, изменилось бы что-нибудь?»

Среди ночи Фан Синьгу резко открыл глаза, вырвавшись из плена сновидений. На экране телефона светилось — 2:41. Он проспал чуть больше часа.

Он снова закрыл глаза, пытаясь уснуть, но сон не шёл. В голове навязчиво крутились подробности того снежного вечера.

Юноша шумно выдохнул.

«Как же это нелепо, — он чувствовал себя смешным. — К чему ворошить это старьё? Даже если бы я тогда его окликнул, что бы это изменило?»

«Цзин Итун, возможно, и остался бы, но лишь до конца поездки. В итоге он всё равно бы уехал. Исход не изменился бы из-за такой мелочи».

В мыслях всё было предельно ясно, но тело упрямо отказывалось засыпать.

В груди поселилась тягучая горечь. Наверное, в глубокой ночи мысли всегда текут бесконтрольно, заводя в дебри самокопания.

Фан Синьгу никак не мог взять в толк: почему Цзин Итун вообще согласился на этот договорной брак?

«На дворе какой век, откуда взялся этот феодальный пережиток!»

«Даже в нашей семье, которую можно назвать традиционной, никто никогда не смел заикаться о подобном!»

<http://bllate.org/book/13481/1663634>